

ствования, счел возможным изложить свое послание народным юмористическим стихом, подхватив свойственную народному юмору манеру иронизировать над своей собственной судьбой (ср., например, ироническое изображение бедности в пословицах: „есть пирог — едим, а нет его — глечим“, „носил бы однорядку с королю, да животы коротки“, и т. п.). Ничего, впрочем, кроме этой внешней формы, от подлинно народного остроумия он не мог усвоить, находясь в том классовом лагере, против которого направляется самое существо этого остроумия.

Таким образом автор воспользовался фольклорной формой для цели, прямо противоположной той, какой эта форма служила в народном творчестве. Но в литературный обиход так широко хлынул, в связи с общей демократизацией и авторской и читательской среды, фольклор, что даже и не сочувствовавший его идейной сущности обиженный дворянин не отказался от свежей и широко доступной читателям формы изложения, думая, может быть, таким способом вызвать к себе сочувствие и за пределами своего класса. Самая мысль применить в послании народно-юмористический стиль, возможно, не была новинкой в начале XVII века. Публикуемое ниже по списку середины XVII века „Послание дворительное недругу“, построенное на социально-острой теме, пародируя типичные образцы посланий „Письмовников“, широко применяет ритм, рифмы и стилистику народного юмора.¹

Также лишь внешне сближается с устно-поэтической стилистикой одна из поздних, мало достоверных в своей фактической части, но интересных по новым приемам повествования, повестей о событиях начала XVII века — „Сказание о царстве... Федора Иоанновича и о убийстве брата его царевича Дмитрия Иоанновича Углицкого...“.² Автор-компилятор пишет не по своим личным впечатлениям, а, с одной стороны, по готовым литературным источникам и, с другой, по слухам, долго еще после окончания войны передававшим отдельные подробности минувших событий. В обработке своих источников автор „Сказания“ отдал дань их украшенному историческому стилю, но, стремясь нарисовать бытовую обстановку, в которой происходит действие, стремясь показать своих героев, а не только рассказать о них, он, особенно в диалогах и в изображении действующих лиц, широко пользуется лексикой и интонациями живой речи. Вот царь Федор прощается с младшим братом: „Иди, свет мой, здрав в путь свой, чтобы мне радостно впредь видеть тебя!“. Федор обращается с вопросом к Годунову: „О любимый мой приятель, Борис Федорович! Можешь ли ты? или какая печаль тебя постигла? Скажи ты мне, не утай, что стоиши предо мною добре не весел и кручиноват и часто воздыхаешь?“ и т. п.

От такой прямой речи, не лишенной уже элементов устно-поэтического языка (ср. синонимическое сочетание „не весел и кручиноват“), автор свободно переходил, например, к лирике народных причитаний, когда изображал горе матери убитого царевича: „Увы мне, бедной вдове! Увы мне горкой и безпомочной!.. И потом бедная, возлюбленным своим чадом утешалась и печаль свою и кручину им, светом моим, забывала... у господа бога о нем милости просила и кормица себе ожидала... кому приказал утешать меня?... не могу на тебя, света моего, мертвца зрети и без тебя жива быти не хочу!.. Молюся вам, бедная вдовица, не оставте и меня живу, да не разлучайте и меня

¹ См. в настоящем сборнике статью Л. С. Шептаева „Послание дворительное недругу“.

² РИБ, т. XIII, СПб., 1909, табл. 755 и сл.